

Драконов утес

Из рейнских сказаний

Драконов утес

— В ту отдаленную пору, когда обитатели правого берега Рейна поклонялись еще идолам и высшую славу полагали в разбойничьих набегах, — на левом берегу того же Рейна мало-помалу распространялось уже кроткое учение Христово, смягчая первобытные грубые обычаи и дикие нравы. Среди этих первых прирейнских христиан особенным благочестием отличались родители юной Адельгейды, взрастившие свое единственное детище в той же богобоязни.

— Еще малюткой Адельгейда слышала о чудовищном драконе, жившем на том берегу реки в глубокой расщелине утеса, так и прозванного Драконовым утесом — «Drachenfels».

— Правда ли, что дракон пожирает живых людей? — спросила она как-то отца.

— Говорят, что так, — отвечал нехотя отец.

Но с пытливостью, свойственной бойким детям, девочка не удовлетворилась таким ответом и стала допытывать далее.

— Так зачем же люди даются ему на съедение?

— Даются они, дитя мое, не по своей воле, — объяснил отец: — их приносят чудовищу в жертву.

— В жертву? Это что же такое?

— Это, видишь ли, вот что. Мы тут, на левом берегу реки, веруем в единого Бога Творца и Сына его, Христа Спасителя. Те же, что живут на правом берегу, в невежестве своем не знают еще Христа и молятся разным богам, которых и нет, поклоняются идолам, которых сами себе сделали. Так почитают они и того дракона за богоподобное существо, ниспосланное будто бы им с неба для кары всех злых и преступных. И вот, чтобы умиловить ужасного дракона, его кормят живыми людьми, — преступниками и пленными врагами.

— Ах, бедные! Ведь между пленными могут быть и добрые люди?

— Еще бы! Но для тех варваров всякий враг — уже дурной человек, особенно всякий христианин, как мы.

— Господи помилуй! Но ведь и нас тоже они могут увести этак в плен...

— Не уведут, дитя мое, не бойся; Бог не попустит. Мы — народ мирный и войной ни на кого не пойдём.

И точно, многие годы Господь хранил эту мирную семейку. Родители маленькой Адельгейды успели уже состариться, а сама она подросла и расцвела прелестной девушкой.

Тут и в их тихий уголок залетела военная гроза. Два могучих князя правого берега Рейна, Горсрик и Ринбольд, переправились с своей дикой ордой на левый берег, — и селения запылали, воздух огласился воплями и криками. Защищавшиеся с оружием в руках были безжалостно перебиты; кто мог, — бежал в леса. Дом родителей Адельгейды точно так же разгромили, но их самих, как незащищенных старых людей, пощадили; всю же пленную мужскую и женскую молодежь, в том числе и Адельгейду, увели с собой в рабство на правый берег Рейна.

Здесь князья-победители приступили к любовному дележу награбленного добра и живой добычи. Когда очередь дошла и до Адельгейды, между князьями разгорелся жаркий спор: ни одному не хотелось отдать такую красавицу другому.

— Так пусть же меч решит, за кем ей быть! — вскричал старший князь, неукротимый Горсрик.

Младший, более сговорчивый, Ринбольд, на этот раз не пошел на уступку.

— На твою голову! — отвечал он, выхватывая также меч.

Потекла бы кровь, не вступишь в дело присутствовавший при дележе верховный жрец.

— Остановитесь, безумцы! — закричал он. — Стоит ли хоть одной капли вашей драгоценной крови нечестивая христианка, не верующая в наших старых богов? Отрекитесь лучше от неё оба и посвятите ее дракону во славу бога богов, всемогущего Бодана.

Против такого предложения верховного жреца не могло быть возражений, и несчастная Адельгейда с несколькими другими пленными была обречена на жертву ненасытному чудовищу.

Наступил день жертвоприношений. К вершине Драконова утеса потянулось торжественное шествие: впереди — жрецы в праздничных облачениях; за ними — связанные пленники, окруженные стражниками; за пленниками — воинская дружина в блестящих доспехах, а за дружиной — несметная толпа народа. Как ни привычен был весь этот темный люд к кровавым зрелищам, а трогательный вид пленной красавицы-христианки все же умилил не одно сердце.

— Бедняжка! — слышались сострадательные голоса, — идет ведь, как невинный агнец на заклание!

— Зачем же она не верит в нашего Водана! — отзывались другие.

— А где оба наши князя? Что их не видать?

— Князь Горсрик со злобы и досады еще с вечера ушел в лес на вепря.

— А князь Ринбольд?

— Занемог, говорят; который день уж не выходит из замка!

— Хоть повременили бы, пока наш милый князь опять оправится!

На самом деле, любимец народный, молодой Ринбольд, не был болен; но Адельгейда с первого взгляда ему так полюбилась, что он ни днем, ни ночью не знал уже покоя. Спасти ее от мученической смерти ему нечего было и думать; видеть же её мучения ему было бы слишком горько. Так-то он остался у себя в замке. Однако ему хотелось хоть издали в последний раз еще взглянуть на молодую пленницу, и он взошел на самую вышку угловой башни, откуда открывался вид на дорогу к Драконову логову. Припав лицом к решетчатому окошку и затаив дух, он следил воспаленным взором за поднимавшимся в гору постыдным шествием. Вон, среди стражников, мелькнула её белоснежная одежда... И забыто уже его решение не присутствовать при её казни. Он уже верхом на коне и вихрем мчится туда же, в гору.

Между тем, пленники всходили на вершину утеса. По знаку верховного жреца, Адельгейду первую подвели к позорному столбу. С ангельским смирением дала она привязать себя. Держа перед собой святое Распятие, она не отрывала глаз от лика Спасителя, и черты её лица светились каким-то неземным сиянием.

— И не вопит ведь не прольет ни одной слезинки! — толковал кругом изумленный народ.

— Будто ей вовсе и не страшно, а в особую еще радость помереть за своего Христа.

— Дитя глупое, неразумное: думает, что Христос спасет ее в последний час. Как же, дожидайся! Вон и дракон почуял свежину.

Из темной расщелины утеса выползала исполинская гадина. Безобразная голова покачивалась мерно из стороны в сторону; громадное туловище, покрытое чешуйчатой броней, на кривых коротких ногах волочилось по земле безобразно-вздутым брюхом; а сзади извивался длинный, чешуйчатый же, змеиный хвост. Все тысячи толпившихся кругом зрителей в немом ужасе попятились назад, толкая и давя друг друга.

Тут чудовище завидело привязанную к столбу молодую жертву. Зарычало оно, зашипело от радости и двинулось вперед, гремя звонкой чешуей по скалистой почве.

В это самое время на место казни подоспел молодой князь Ринбольд. Подобно другим, он всегда благоговел перед священным драконом. Но при виде этой разинутой зубастой пасти, готовой поглотить самое дорогое ему существо, Ринбольд понял — не умом, а сердцем, что перед ним только дикий, кровожадный зверь, и он пришпорил коня на смертный бой с драконом. Однако и борзого коня обуял небывалый страх: он весь задрожал и взвился на дыбы.

А что же Адельгейда? — Покорившись выпавшей ей горькой доле, она, с Распятием в руках, творила тихую молитву:

— Христе Боже! на Тебя одного уповаю: Ты можешь совершить всякое чудо...

И чудо совершилось: дракон, как сраженный небесной молнией, испустил отчаянный рев, от которого дрогнула гора, и, отпрянув в сторону, ринулся вниз с отвесной кручи в воды Рейна, которые его и поглотили.

Жрецы и воины и весь простой народ от изумления не знали, верить ли своим глазам. Как! боготворимое ими громадное чудовище не устояло перед изображением христианского Бога?

Ранее других пришел в себя, уверовал в нового Бога молодой Ринбольд. Сойдя с коня, он отвязал Адельгейду от позорного столба, и затем преклонил колено перед Распятием. Примеру любимого князя последовала его дружина, а примеру дружины и простой народ. Тут и жрецам ничего не оставалось, как сделать то же.

— Слава Всевышнему во веки веков! — сказала Адельгейда. — Теперь, князь, у меня одна к тебе просьба: отошли меня назад к моим родителям.

— Нет, моя дорогая, — отвечал Ринбольд: — я вызову их к нам. Здесь, на этом самом месте, я выстрою себе новый замок, и княгиней этого замка будешь ты, моя богоданная невеста!

— Так-то на Драконовом утесе воздвигся новый замок, откуда затем по городам и весям правого берега Рейна все далее и далее распространялось учение Христово. Много поколений рода князя Ринбольда и княгини Адельгейды жило потом в этом замке, пока, наконец, в 1530 году род их совсем не пресекся. До сих пор, однако, на Драконовом утесе сохранились еще развалины княжеского замка. Плывущие по Рейну путешественники любуются на них издали с палубы парохода; иные же сходят и на берег, чтобы меж виноградников подняться к развалинам по зубчатой железной дороге и окинуть с вышины восхищенным взором ту самую реку, которая протекала некогда столь же живописно под ногами Ринбольда и Адельгейды.